

"С Новым годом, мальчишки! (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

- Пусть у Юры хоть один раз на празднике будут мама и папа, как у нормального ребенка. Чего мы всей толпой припрямся?

- Свет, не устраивай балаган! Какой ему «папа» из Васильича?!

- Тебе, значит, с бойфрендом – можно, а мне – сразу «балаган»?! – Светлана раздраженно поводит плечом, потом оборачивается к двери в детскую: – Чем они грохочут так? Скажи, чтоб не шумели!

Олег приоткрывает дверь. Посередине комнаты сделана из кубиков и дощечек горка. Миша с Юркой по очереди пристраивают на ней тяжелый теннисный мяч и увлеченно следят, как он скатывается, сшибая затейливо сложенные пирамидки из кубиков. Мяч подбивает одну из фигурок, кубики рассыпаются. Юра хлопает в ладоши:

- Восемь и три – двенадцать. Ура, я победил!

- Восемь и три – одиннадцать, – перебивает Миша.

- Двенадцать! – Юрка мотает головой, зажмурив глаза. – Двенадцать! Двенадцать!

- Нет, давай считать! – Миша растопыривает восемь пальцев. – Прибавляй по одному!

- Минь, идем домой! – улыбается Олег. – Юрке спать пора!

- Подожди, мы досчитаем. Принципиальный вопрос!

- Миш, не сиди в хороших брюках на полу, я на этой неделе не пылесосила, – вздыхает Светлана.

Операция ее прошла удачно. В клинике ей предложили на выбор 3 фотографии. Она выбрала себе подбородок с ямочкой и неширокие, тонкие губы. И вышла из клиники новым человеком. Челюстной протез, пересаженная кожа, два тонких симметричных шрама от скул до шеи. Три месяца она привыкала к новому лицу, шепелявила, заново училась говорить. Потом выбросила из дома все старые фотографии, поменяла работу и выложила анкету на сайты знакомств. И – как с цепи сорвалась. Шутка ли, в сорок три года впервые стать нормальной бабой!? Она ходила на свидания в Новгороде и ездила в Тверь и Питер. Переписывалась с какими-то зеками, пачками отправляя им свои новые фотки. Один из них реально приехал из какой-то Тмутаракани и, если бы Самсонов не спустил его с лестницы, может быть, исхитрился бы здесь надолго вписаться.

Миша в тот день привычно привел Юрку из садика. И, пока он стряхивал на лестничной площадке мокрый детский дождевик, на свою беду из кухни вышел этот урка, сытым, ленивым движением вытирая ладонью подбородок. Растянутая майка выставляла напоказ «купола»* и «не забуду мать родную»*. Парень развязно ухмыльнулся малышу:

- Привееееет! А мамка борща наготовила. Вкуснаааа.

Миша побелел от злости, резко шагнул в коридор, сгреб гостя за грудки и выволок из квартиры:

- Чтоб я тебя около своего ребенка ни разу больше не увидел, понял?!

- Ты, пАдла! - взъярился было зек. - Я тебя урою!

Но Мишка молча подтащил его к лестнице и отвесил солидного пинка. Парень гулко пересчитал ребрами ступени, чуть тише выматерился и почти совсем неслышно пошкандыбал вниз, не решившись качать права и «поднимать лапу» на молодого здорового бугая.

- Что ты себе позволяешь, сволочь!? - зашипела Света.

- Значит так, - обернулся к ней Самсонов, - отдай нам ребенка и хоть на свалку уходи жить. А пока в этой квартире живет Юра, никакой «малины»* здесь не будет, ясно? Или неси вещи хахалю на помойку, или я сына забираю. Две минуты тебе на решение.

Урка тот больше не появлялся. Постепенно Светины поиски вошли в мирное русло. После нескольких бомжей и городских сумасшедших замаячили около нее нормальные мужики. И один из них, Илья Васильевич, толстенький, лысый, годами хорошо за пятьдесят, захаживал к ней уже больше двух месяцев. Был он женат, разводиться не собирался. Но с женой, похоже, правда, жил негладко. Оставался у Светланы ночевать, приносил деньги и дарил Юре книжки и игрушки.

Из-за Васильича и вышел сегодняшний спор. Светлана хочет позвать его на Юркин утренник, и просит Олега с Мишей не приходить.

- Свет, совесть поимей! - горячится Олег. - Ты попробуй, Юрке заикнись, что Миша не придет на «ёлку». Спорим, будут слезы?

Так они ни до чего и не договорились. И только перед самым праздником Света звонит Олегу на работу:

- Можете вдвоем приходить. Ильи не будет.

- Поругались? - сочувствует Олег.

- Не твое дело! - резко отрубает Света.

В небольшом, украшенном шарами зале сияет ёлка. Маленькие «артисты» поют, танцуют и разыгрывают сценки, постоянно «приликая» взглядами к дедморозовскому мешку. Выйдя к микрофону, Юрка читает стихи. И Миша кивает головой после каждой строчки, а в сложных местах начинает пришептывать слова - учили-то вместе. Наконец, Дед Мороз раздает подарки. Галдя и путаясь в пышных платьях и карнавальных хвостах и ушах, ребягня разворачивает свёртки и роняет на пол фантики. Родители, тесня друг друга локтями, выбирают лучшие ракурсы для видеосъемки. Радостный Юрка подбегает к своим:

- Миш, мне Дед Мороз ракету подарил! Настоящую! Мы ее склеим, и она долетит до Луны!

А у Светы звонит телефон. Она затыкает второе ухо рукой, вслушивается в слова собеседника и расплывается в улыбке. Потом обращается к Олегу:

- Меня Илья зовет в дом отдыха. Вы заберете Юру на три дня?

Олег и Мишка синхронно кивают.

* * *

На электромеханическом заводе срывается большой заказ. Официальный срок поставки – конец года. Счет идет на дни. Тридцатое и даже тридцать первое декабря объявляют рабочими. Техотдел авралит. Тридцатого Мишка возвращается домой в десять вечера. И на тридцать первое соглашается выйти «в цех», к станку.

Тридцать первого утром Олег и Юра наряжают дома ёлку, вместе возятся на кухне, потом идут на горку. Но вместо горки попадают на представление: «Золотое кольцо» развлекает туристов.

Юрка заворуженно смотрит на сцену, переживает за пропавшую Снегурочку и вместе с другой детворой громко кричит Деду Морозу, где прячется Баба Яга.

- Юр, тебе не холодно? – Олег касается ладонью розовой щёчки.

- Нет! Еще чуть-чуть поглядим, ладно?

Скоморохи раздают детворе мандарины и сласти. К Юре подскакивает «лиса» в рыжей маске с большой шоколадной конфетой и микрофоном:

- Малыш, поздравь наших гостей с Новым Годом!

Юрка прячется за отцовскую спину, но Олег одобрительно подталкивает его вперед:

- Ну?... Не бойся!

И Юрка звонко выговаривает в микрофон:

- С Новым Годом, гости!

- Ай, какой хороший, смелый мальчик! – радуется «лиса». – А как тебя зовут?

- Миша! – почему-то отвечает Юрка и утыкается лицом Олегу в локоть.

Олег улыбается, укрывая сына своими ладонями. И только потом, дома спрашивает его:

- Почему – «Миша»-то?

- Не знаю, – хохочет малыш.

Они готовят праздничный ужин, потом звонят Мише на работу. Мишка заведён авралом, и по голосу слышно, что он только что с кем-то говорил на повышенных тонах. Олег принимает решение:

- Мы к девяти часам приедем к проходной.

- Не надо. Юрке спать будет пора. Я сам доеду.

- Надо, – веско говорит Олег.

В девять они ждут перед воротами, над которыми красным-синим-желтым размашисто мигает: «С Новым Годом, пролетариат!» В начале десятого через «вертушку» начинает выходить

«предпраздничная смена». Арни и Андреич здороваются за руку: сначала – с Олегом, потом, как с большим, по-серьезному – с Юрой.

- Вот что значит с мужиком жить! – усталый Андреич вытряхивает из полусмятой пачки сигарету. – Приехал, встретил, не зудит, не пилит. А Лёхе вон жена сейчас такой скандал устроила по телефону – прямо до развода. У тётчи электричество вырубил, ни плиты, ни холодильника, салаты пропадают, гусь не жарится, а Лёха – на работе!

Наконец, появляется Мишка.

- Меня Львовна задержала. Лёлль, прости! Юрка, тебе спать пора. Смотри, глаза уже слипаются.

- Нет, я буду ждать Нового Года, когда Дед Мороз мне принесет подарочек под ёлку! – говорит Юрка. Но не протестует, когда Миша берет его на руки, и доверчивым движением опускается щекой на лохматый воротник Мишкиной «аляски».

- Я машину поведу. Ключи давай! – негромко говорит Олег.

- В кармане! – Мишка, бережно придерживая сына, разворачивается боком, чтоб Олегу было удобно вытащить брелок из его бокового кармана.

За стол они садятся за час до полуночи. Юрка быстро «напихивается» салатами и курицей, просит большой кусок торта, но, утомленный длинным, суетливым днем, прогулкой, ожиданиями и «праздничными» телефонными разговорами с мамой, тётей Лилей, Костромой и Сатарками, засыпает прямо за столом. Мишка уносит его в постель, переодевает в пижамку. А когда возвращается, Олег уже открывает шампанское, и по телевизору показывают куранты, стрелка которых всего три минуты не дошла до полуночи. Наконец, бьет двенадцать. Миша и Олег несильно звякают бокалами.

- С Новым Годом, Минька!

- И тебя, Лёлль. Счастья тебе! И Юрке! И всем-всем!

Они приглушают звук телевизора, гасят верхний свет, оставляя только лампу над плитой и переливающуюся гирляндами ёлку.

- Я буду еще курицу, ага? – Миша выбирает из кастрюли куски побольше. – Обалденно получилось. Ты – молодец, сегодня не пересушил.

- Салат-то бери! – Олег придвигает тарелку.

- Я - буду, буду! – кивает Мишка, уплетая «обалденную» курицу. – Я есть хочу, как слон! Столовая-то сегодня не работала!

Олег разливает коньяк.

- Жуй, не спеши. Никто не отнимет, - и поднимает рюмку: - Давай - за Юркино здоровье?!

На улице начинаются салюты.

- Лёлль, помнишь Москву? – вдруг спрашивает Миша. – Воробьевы горы?

- Помню. Я из-за тебя поехал. Мне в толпе было страшно до дрожи. Но я подумал: ты – бестолочь, Москвы не знаешь, отстанешь от наших, заберут менты... А когда понял, что Кристина тебя из когтей не выпустит, домой сразу свалил...

- Прости! – говорит Мишка. – Прости, что я балдой такую был. А теперь – за меня не боишься?...

- М?... – Олег задумчиво смотрит за окно, на вспухающее цветными фонтанами небо.

А Мишка обнимает его одной рукой и бережным движением пытается склонить к своему плечу.

- Лёля, маленький!...

У них нечасто бывает такое настроение. Олег обычно – главный. Но сейчас расслабленному, подвыпившему Мишке хочется тискать и лелеять Олега, как девочку. Олег не спешит подчиниться. Чуть опустив глаза и пряча улыбку, несильно напрягает плечи. Но Мишка, поглаживая от плеча к локтю, продолжает легкий, но настойчивый напор.

- Хороший, сладкий мой, «принцесса»... Иди ко мне!

Олег уступает медленно, словно неохотно. За окном выстреливает мощная петарда. Звук похож на взрыв. Сноп огней рассыпается у верхних этажей. От неожиданности Олег подается назад. И Мишка, пользуясь мгновением, прижимает его к себе. Олег сдаётся, обмякает, плотнее прижимается к Любимому и теперь чуть вздрагивает от громких оглушительных разрывов.

- Никто не обидит, Лёль! Никто не посмеет! – Мишкины губы касаются его виска. – Никому не отдам!... Ты – мой!

Но тут в коридоре топчут маленькие пятки, и на пороге кухни возникает испуганный Юрка:

- Пап, это – гроза?

- Это – салют, – Олег берет сына на руки и подходит к окну: – Видишь, как красиво?

Но сонный малыш мотает головой:

- Когда так громко – некрасиво! – отворачивается от разноцветных всполохов, прячет лицо у отца на плече. Потом, чуть развернувшись к Мишке, выдыхает: – Миш, ты – боишься?

- Нет, – улыбается Миша. – Я ничего не боюсь. Пойдем ложиться, а?

Они уносят сына в комнату, и пока Олег укрывает его одеялом, Миша достает из шкафа плед и пристраивает на вбитые над рамой гвозди. В комнате становится тише и темней. Олег сидит на краю Юркиной постели, накрыв большой ладонью крохотные пальчики. Мишка опускается на пол у его ног, прислоняется спиной к его коленям. Юрка что-то еще тревожно бормочет, потом затихает и через несколько минут дышит уже ровно и спокойно. Олег выжидает еще какое-то время, ласково касается Мишкиного плеча – и понимает, что тот тоже спит. Олег ерошит его затылок:

- Минь, пойдем ложиться?

- А? – вскидывается Мишка. – Прости, я задремал...

У них многолетняя традиция – секс в новогоднюю ночь. Но сейчас Олег видит, что Любимый устал. В постели Миша кладет руку ему на пах:

- ...Новый год же?!...

- Спи, заяц. Спи! Всё – завтра!

- Ок, утром, – сонно шепчет Миша. – Это всё аврал дурацкий. И коньяка не надо было пить.

Олег кивает, едва дотрагиваясь, гладит любимого по плечу и чуть отодвигается на кровати – так, что касаются теперь только их ступни и ладони. Салюты за окном грохочут канонадой, то набирая крещендо, то затихая, словно удаляясь. Вскипают и стихают у подъезда оживленные голоса, лает собака, улюлюкают сирены сигнализаций. Потом всю эту какофонию для Олега отодвигает мерный звук Мишкиного дыхания. И его веки тоже смежает усталость.

Утро наступает серым, мутноватым светом. За окном – тишина. Олег выпутывается из-под одеяла, повыше взбивает подушку и с улыбкой смотрит на своего Миньку. Тот спит, по-детски подложив ладонь под щеку. Но от взгляда мужа обсыпается, придвигается ближе и, глядя сквозь прищуренные ресницы, с улыбкой шепчет:

- Трахать будешь – не буди!

Лёлькины пальцы бережно проводят по Мишиной скуле. Миша смешно морщится, затягивает ласкающую ладонь себе под щеку. Потом, качнув бёдрами, прижимается к Олегову утреннему стояку. Широко распахивает глаза и смотрит на Любимого тепло и лукаво:

- Идем?...

Они уходят в ванную комнату – а где еще можно уединиться от ребенка в однокомнатной квартире?! Вчерашняя лирика – в прошлом. Белым днем авторитет Олега сомнению не подлежит. Мишка поворачивается к мужу:

- Лёля, как?

- Раком! Как еще-то? – мягко усмехается Олег.

Мишка снимает боксеры и раздвигает ступни, опираясь локтями на крышку стиральной машины. Ритмично вбиваясь в покорное тело, Олег гладит кончиками пальцев его плечи, скользит к нежным ямочкам на сгибе локтей, нащупывая вены, ведет по ним к запястьям. Мишка отдается подчиняющему ритму и ласкающим касаниям.

- Выпрямись! – шепчет Олег. Мишка выпрямляется, привстает на цыпочки, подстраиваясь к новому углу проникновения. – Снова нагнись! – просит Олег через две минуты. И его Любимый послушно «ломается» в пояснице, чаще дышит, чуть прикусив губу, чтоб не застонать громко. – Иди-ка,... – Олег хочет снова поменять позу, но Миша начинает кончать, глубже прогибаясь, дотягиваясь руками до Олеговых коленей, сжимает их сильным движением.

- Лёёёля!... Спасибо!

- Сейчас тебе – «спасибо»! Натурой расплатишься! – улыбается Олег. Когда стихают Мишкины конвульсии, обнимает его под живот, разворачивает в позу, в которой удобнее и слаще всего ему самому. Но когда его движения становятся порывистыми, а дыхание – резким, дверь

дергают, и раздаётся радостный и звонкий голосок:

- Миша! Дед Мороз принес...

- Блиннн! – выдыхает Олег, резко выходит из любовника и стягивает с вешалки халат: - Одевайся, Минь. Скорей! Я – не могу, у меня – стоит!

Одеваясь, Мишка прыскает смехом:

- Прости, Лёль!

- «Женаты с детьми», ёлы-палы! – тоже смеется Олег. – Иди уже!

Миша звякает щеколдой: у дверей ванной босой Юрка в пижаме прижимает к груди коробку «лего»:

- Миш, смотри – летающий дракон, как в мультике! Поможешь мне собрать?!

- Ну-ка, обуваться! – картинно хмурит брови Миша.

- Сейчас! – кивает сын и шмыгает в комнату.

За эти полминуты Мишка возвращается в ванную, достает с полки «возбуждающую» смазку и протягивает мужу:

- На, держи!

- Не надо. Вечером...

Мишка иронично улыбается:

- Тебе ж полминуты осталось?

- Да.

- Ну и не жди вечера. Праздник же, всем должно быть здорово! А ты нам – знаю я тебя! – сейчас такую строгость разведешь, если не кончишь! «Конфеты не ешьте», шарфы – до самых бровей повязать, меня за шампанское «на подоконнике строить» будешь, а?

- А ты напиток собираешься? – серьезнеет Олег.

- Началось! – хмыкает Мишка. – Сказал: дрочи, давай! – и выходит в коридор.

За спиной его щелкает задвижка.

- Миша! Смотри – здесь двое разных крыльев! – Юрка всё еще в пижаме, но уже в тапках появляется в дверях.

- Пойдем смотреть! ...Конфеты не бери пока, сначала – кашу.

- Кашу не хочу! – мотает головой Юрка.

Спустя несколько минут свежесбранный, улыбающийся Олег выходит на кухню. На краю стола теснятся вчерашние салаты, а посередине разложена инструкция по сборке дракона. Миша выбирает из коробки разноцветные «кирпичики», а Юра, отправив в рот ложку овсянки, тычет

пальчиком в схему:

- Четыре! Таких квадратика - четыре, посмотри!

Пожалуй, если бы Олегу пришлось силой воли глушить неутоленную страсть, он начал бы Новый год со строгой фразы: «Не говори с набитым ртом!»

Но сейчас он расслабленно усмехается и с мягким осуждением качает головой:

- Сначала поесть, а потом играть - нет, не катит?

- Лёль, я кофе буду! - подняв глаза от коробки с детальками, улыбается ему Миша.

Олег, чуть наклонившись, целует Мишу в висок, Юрку - в макушку, говорит:

- С новым годом, мальчишки! - и идет варить кофе.

---

* «Купола» и надпись «Не забуду мать родную» - распространенные тюремные татуировки.

* «Малина» - воровской притон, уголовный жаргон.